

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т А Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

ДАНДИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ

(Продолжение ¹⁾)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИТРАГУПТА

Он начал: „Царь, цель моих странствований была та же, что и других товарищей моих. И вот однажды я попал в царство Сухма, Подходя к главному городу Дамалипте, я заметил в загородном саду большое праздничное собрание народа. Там же я увидел в стороне сидящего в беседке, покрытой вьющимися растениями, какого-то молодого человека, со страдающим видом развлекающего себя игрою на гитаре. Я спросил его: — Скажи, друг мой, какой такой это праздник, для чего он установлен, и почему ты не принимаешь в нем участия, а сидишь в уединении, в сообществе одной только гитары, и как будто страдаешь?

Он отвечал: — Дорогой мой! у Тунгаданвана, царя Сухмийского, не было детей. Тогда он прибег к стопам богини Кали, поселившейся в этом вот храме и забывшей о любимом своем местопребывании в горах Виндья. Он просил ее даровать ему двух детей. Постом и молитвой сопровождал он просьбу. Тогда богиня явилась ему во сне и сказала: „У тебя родится один сын и родится одна дочь. Первый должен будет служить мужем второй. Но до выхода замуж, начиная с седьмого года, пусть она ежегодно, когда луна вступает в созвездие Плеяд, ублажает меня танцами с мячом, если хочет получить достойного ее мужа. Кого она полюбит, за того должна быть и выдана. День этот пусть будет праздником и пусть называется „Праздником мяча“. Недолго после этого Медини, любимая супруга царя, родила ему

¹⁾ См. журнал „Восток“ №№ 3—4 — — —

сына, после которого родилась и дочь. Вот именно сегодня эта дочь, по имени Кандукавати, будет улаживать богиню Кали, луною венчанную, своими танцами с мячом. У нее есть подруга, по имени Чандрасена, моя молочная сестра, которую я люблю. За ней в последнее время страшно ухаживает царевич Бимаданван. Поэтому я страдаю, пронзенный стрелами терзающего душу бога любви. В сердце у меня отчаяние, и я до известной степени утешаю себя сладкими звуками гитары, сидя здесь в уединении.

В этот момент послышались женские шаги со звенящими на ногах браслетами. Подошла к нам молодая женщина. Как только он ее увидел, лицо его прояснилось, он встал, она бросилась ему на шею и обняла его. Затем он сел на том же месте и обратился ко мне: — Вот та, которая мне дороже жизни! Разлука с ней жжет меня, как огонь. Если сын царя отнимет ее от меня, то он отнимет от меня и жизнь мою! При мысли об этом кровь застывает у меня в жилах, как у мертвеца. Так как он царский сын, то я не буду в состоянии помешать ему. Поэтому пусть знакомство со мной не имеет последствий, я готов покончить с этой жизнью, которая, при данных обстоятельствах, потеряла для меня смысл.

Когда он это сказал, все ее лицо покрылось слезами, и она отвечала: — Господин мой! не совершай ради меня этого отчаянного поступка. Ведь ты приходишь от Артадаса, первейшего из здешних коммерсантов, родители дали тебе имя Кошадас, (т. е. слуга капитала), но враги твои, на основании сильной любви твоей ко мне, дали тебе прозвище Вешадас (т. е. слуга гетеры). Если ты при этом покончишь с собой, а я останусь жить, то я только оправдаю распространенное мнение, что гетеры — народ безжалостный. Поэтому сегодня же беги отсюда и води меня с собой в любую страну. — Тогда он обратился ко мне и сказал: — Любознательный мой! ты видел много различных государств; которое из них богаче, где бывают лучшие урожаи и где население в большей своей части хорошо относится к пришлым людям? — Я на это, слегка усмехнувшись, отвечал: „Любезный друг! земля ведь очень обширна, океан служит ей пределом. Много есть прелестных населенных мест, они встречаются в различных сторонах, им нет конца! Однако сначала подумаем вот о чем: быть может, я найду какой-нибудь такой исход, который даст вам возможность преспокойно остаться жить здесь, а затем, если это окажется невозможным, тогда я сам буду вашим путеводителем“.

В этот самый момент послышался звук женских шагов, позвававших драгоценными браслетами на ногах. Тогда наша собеседница, Чандрасена, заволновалась и проговорила: — Это прибыла она, царица Кандукавати. В честь богини Кали она испол-

нит танец с мячом. Всякий может свободно видеть ее на этом „Празднестве мяча“. Приходите смотреть вы оба. Это доставит вам большое удовольствие. Я же уйду, я должна находиться при ней. — Сказав это, она ушла. Мы оба последовали за ней.

ТАНЕЦ С МЯЧОМ

Мне сразу бросилась в глаза молодая красавица с линией губ ярко-вишневого цвета. Она стояла на большой, убранной всякими драгоценными украшениями, сцене. Сразу же она проникла в мое сердце. Я не замечал, да и никто другой не замечал, что она находится на некотором расстоянии от нас. Удивленному и пораженному, мне показалось, не сама ли это появилась перед нами богиня красоты! „Нет, нет, однако, — подумал я, — богиня красоты ведь держит лотос в руке, а у этой сама рука является лотосом! Затем, что касается богини красоты, то бог Вишну, первообраз мужчины, и первородные цари наслаждались ее телом, а это молодое тело совершенно непорочно, никто еще им не наслаждался“. Пока я так рассуждал, царица, все тело которой дышало непорочной свежестью, скрестила кончики своих нежных пальцев и, прикоснувшись ими к земле, быстрым движением преклонилась перед статуей богини, при чем встряхнулись ее темные, вьющиеся волосы. Затем она взяла в руки красный мяч, который показался мне самым богом любви с раскрасневшимися от сильной страсти глазами. Легко и грациозно бросила она его на землю. Он немного отскочил, и она поймала его своею нежною рукою, слегка согнув большой палец и вытянув остальные тонкие свои пальцы. Ударив его снизу верхней поверхностью ладони, она подбросила его вверх и когда он полетел обратно вниз, как брошенный букетик цветов, за которым гонится вереница пчел, она поймала его налету и снова бросила. Затем она исполнила фигуру удаления и приближения к аван-сцене, все время при этом легкими ударами подбрасывая мяч, при чем музыка переходила из *moderato* в медленный, а при приближении из *moderato* в быстрый темп. Когда при удалении и замедлении темпа движение мяча как бы замирало, она безжалостными ударами заставляла его вновь подыматься. Наоборот, когда он начинал скакать все выше и выше, она, ослабляя удары, как бы давала ему успокоиться. Потом, поймав на руку спускавшийся перпендикулярно вниз мяч, она стала попеременно ударять его левой и правой рукою, заставляя его постепенно лететь вверх, как птичку. Когда же он с большой высоты падал на некоторое от нее расстояние, она бросалась, чтобы прибить его к себе и в то же время исполняла так называемую „фигуру песни“ (т. е. движения по

десяти шагов с небольшими паузами между десятками). Она проделала эту фигуру удаления и приближения с мячом несколько раз, всякий раз в другом направлении. Исполнение ее, сопровождавшееся разными красивыми деталями, увлекло публику. Ее внимание было приковано к сцене. Поминутно раздавались разные возгласы одобрения. Я стоял прямо против царевны, опершись рукой на плечо Кошадаса. Волнение мое возрастало с каждым мгновением, щеки покраснели, глаза широко раскрылись. И в этот момент она стрелбнула в меня таким взглядом, что, казалось, его сделал, через ее посредство, сам бог любви, специально для этой цели спустившийся в этот момент на землю. При этом она одновременно с игрою в мяч кокетливо играла движениями своих бровей. От учащенного дыхания раскрывались ее губы, и розовый блеск их дрожал в воздухе. Казалось, то были (не лучи красного цвета), а розовые веточки, которыми она отмахивалась от пчел, привлеченных к ней ароматом ее лотосоподобного лица. Как бы от стыда перед моими взглядами, она скрывалась в цветочную клетку, которая создавалась перед нею от весьма быстрого вращения мяча. (Под моими взглядами) она затрясалась, как будто бы встряхиваясь, после того как пятистрельный бог любви сразу ударил в нее всеми пятью стрелами своими, которые он (обыкновенно выпускает последовательно одну за другой). Совершенно ясно было, что она волнуется от сильного порыва любви. В таком состоянии она стала исполнять фигуру зигзага, как бы подражая движению молнии. Она выступала в такт музыке и с каждым шагом совпадал звон ее драгоценных украшений. Она посылая мне многозначительные улыбки, и розовые губки ее озарялись блеском улыбающегося лица. Пышная коса ее то стряхивалась с плеч, то снова ложилась на них.

Поясок, увешанный драгоценностями, звенел на ней всякий раз, как она до него дотрагивалась. Когда она сгибалась или выпрямляла свое развитое седалище, то плотно облегающая его одежда-повязка складывалась красивыми складками. Ее тонкие руки то сгибались, то вытягивались, то размахивались, ударяя и играя мячом. Заложив красивую руку за голову, она поднимала вверх упавшие на плечи локоны. Когда в ее ушных подвесках перепутывались золотые пластинки, она с необыкновенной быстротою, не останавливая танца, приводила их в порядок. Руки и ноги ее были в постоянном движении, сообразно тому как она, ударяя его по мячу, бросала то от себя, то к себе. Ее стройная талия то исчезала, то как бы вновь показывалась, по мере того как она либо нагибалась, либо выпрямлялась. Спускавшаяся с ее плеч длинная жемчужная нить была в постоянном движении, сообразно

с движением ее тела вниз и вверх. Движение воздуха, возбуждаемое (как веером) движением ее ушных подвесок, было как бы занято высушиванием капель пота, выступавших на ее лице и портивших арабески, коими разрисованы были ее щеки. Нежные пальцы одной руки были (то и дело) заняты поправкой лифа, немного приоткрывавшего ее высокую грудь. (В продолжение всего танца) царица делала самые разнообразные движения: она и опускалась, и вставала, глаза и открывала, и закрывала, то приостанавливалась, то двигалась. После паузы она вдруг принялась исполнять новые фигуры и с одним, и с несколькими мячами, заставляя их то летать в воздухе, то двигаться по земле. Наконец она вместе с Чандрасеной и другими подругами несколько раз прошла по сцене и заключила это шествие земным поклоном перед статуей богини. Затем, с подругами вместе стала удаляться по направлению к женской половине дворца. Мое влюбленное сердце как бы провожало ее вместе с преданными ей служанками. Уходя, она опять подарила мне такой взор, что, казалось, сам бог любви ударил в меня своей (сильнейшей, состоящей из) лотоса стрелой. Неоднократно, многозначительно поворачивала она свое прелестное, как диск луны, лицо. Она, очевидно, желала удостовериться в том, дошло ли сердце ее, которое она мне посылала, по назначению, или же оно возвращается обратно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗА МИТРАГУПТА

Меня же стал терзать бог любви, и в этом состоянии я вернулся домой, где Кошада с устроил мне роскошный прием, с ванной, угощением и проч.

Вечером пришла к нам Чандрасена. Улучив момент, когда мы с ней остались наедине, она поклонилась мне в ноги. Затем она села рядом со своим возлюбленным, грациозно, с любовью прижавшись к нему плечом к плечу. Кошада с пришел в хорошее настроение и проговорил: „О длинноокая красавица моя! Пусть до конца дней моих ты будешь ко мне столь же милостива, как и теперь!“ Я усмехнулся и сказал: „Друг мой! Это твое пожелание (не трудно исполнить). У меня есть волшебная мазь. Если она помажет ею себе глаза, то царевичу она будет представляться в виде обезьяны. Тогда он ее разлюбит и бросит за ней ухаживать“. Она рассмеялась и обратилась ко мне, говоря: „Ты оказываешь мне, твоей покорной слуге, слишком большую милость. Ты в этом же перерождении хочешь лишить меня человеческого образа и превратить в обезьяну! Оставим это! Наше желание осуществится другим путем! Сегодня как раз на празднике, при исполнении священного танца

с мячом, царская дочь увидела тебя, превосходящего своею красотою бога Амура. Она сразу влюбилась в тебя. А бог любви, как бы из ревности, стал терзать ее свыше всякой меры. Я вижу, в каком она состоянии, и сообщу об этом деле своей матери, она же скажет ее матери, а царица скажет о нем царю. Увидев в чем дело, царь отдаст тебе руку своей дочери. Тогда и царевич окажется у тебя в подчинении. Ведь божество предсказало такой оборот событий. Когда же царская власть будет в твоих руках, то царевич Бимаданван не будет в состоянии приставать ко мне, если ты этого не пожелаешь. Поэтому потерпи немного, поживи здесь дня три, четыре". При этих словах она поклонилась мне, обняла своего возлюбленного и удалилась. Мы же с Кошадасом принялись всячески размышлять по поводу сказанного ею, и в этих размышлениях прошла у нас почти вся ночь. Поутру я совершил обычные обряды и затем отправился гулять в парк, к тому самому месту, где накануне я испытал счастье увидеть впервые свою возлюбленную царевну. Туда же пришел и сын царя Бимаданван. Безо всякой гордости он стал со мною любезно разговаривать и посидел со мною некоторое время. Затем он пригласил меня к себе, провел в верхние комнаты и там устроил мне почетный прием, предложив то же кушанье, угощение, отдых и т. п., какими пользовался и сам.

Пока я спал и во сне сладостно вкушал счастье свидания и объятия моей возлюбленной, он приказал нескольким наиболее сильным из своих слуг связать мои толстые, сильные руки железными цепями. Я проснулся, и он сгоряча обратился ко мне так: „Горе тебе, злодей! Твои переговоры с негодной Чандрасеной подслушала через оконное отверстие девочка, которой я поручил следить за ней и донести мне. По ее словам выходит, что несчастная царевна Кандукавати в тебя влюблена, что я должен буду тебе подчиниться, и что, не смея тебя послушаться, я уступаю Чандрасену твоему другу Кошадасу". При этих словах он посмотрел на одного из находившихся тут слуг и сказал: „Брось его в море!" Этот (отчего-то) так обрадовался, как будто ему досталось целое царство, и сказал: „Слушаюсь, царь!" а затем исполнил его приказание. Очутившись в воде безо всякой поддержки, я стал двигать руками во все стороны, пока случайно не наткнулся на какое-то бревно. Я лег на него грудью и продержался при помощи его на воде весь день и всю следующую ночь. На рассвете я увидел какое-то судно. На нем оказались арабы. Они подобрали меня и доложили командиру корабля по имени Рамешу: „Мы вытащили из воды какого-то человека, крепко закованного в цепи, (он на вид так силен, что) наверное может один сразу, в один момент, выдавить сок одной тысячи гроздей винограда!" Но в этот самый

момент налетело на них какое-то военное судно, в сопровождении целой флотилии маленьких лодок. Арабы перепугались. Между тем лодки, как гончие собаки за вепрем, очень скоро догнали и окружили наше судно, и завязалась битва, в которой арабы стали терпеть поражение. Видя, что они в безвыходном положении и начинают терять мужество, я стал их ободрять и сказал: „Снимите с меня оковы. Я вот один уничтожу ваших врагов“. Они послушались меня. Я взял лук, и из него посыпался со страшным свистом целый дождь стрел на вражеских матросов. Все они (получили поранения, и их) тела были превращены в бесформенную массу кусочков мяса. Подплыв тогда к вражескому кораблю, палуба которого была усеяна мертвыми телами, и причалив к его борту, мы перешли на него и нашли командира корабля одного, без матросов. Мы взяли его живьем в плен. Он оказался не кем иным, как царевичем Бимаданваном. Когда я его узнал, ему стало стыдно. Тогда я сказал ему: „Видишь, какие шутки может сыграть над нами судьба“. А торговцы-арабы стали испускать радостные клики „алла, алла!“ и очень крепко связали его теми как раз цепями, которые были сняты с меня. Мне же они стали оказывать все знаки почтения. Между тем подул сильный противный ветер. Управлять кораблем стало невозможно. Ветром его отнесло в даль и, наконец, прибило вплотную к берегу какого-то неизвестного острова. На нем мы надеялись найти сладкой питьевой воды, топлива и съедобных клубней, плодов и корней; и потому сошли с корабля на глубоко в море уходившую, закругленную каменную косу. Выйдя на берег, я воскликнул: „Как прелестен склон этой горы, подножие ее еще прелестнее! Прохладная вода этого родника покрыта, как звездочками, цветочной пылью голубых и красных лотосов! Восхитительна картина этого леса, усеянного разноцветными гроздьями цветов“. Взор мой все снова и снова, все жаднее и жаднее всматривался в представившуюся картину, и я, совершенно незаметно для себя, поднялся на вершину горы и там очутился у какого-то небольшого озера с красноватой водой, к которой спускалась каменная лестница, сделанная из ярко блиставших рубинов; поверхность его была усыпана цветочной пылью лотосов. Я выкупался и съел несколько корешков лотоса, которые были сладки, как амброзия. Белые цветки лотоса пристали к моим плечам, когда я вышел из воды. На берегу я наткнулся на какого-то страшного демона-людоеда, который грубо закричал на меня: „Кто ты такой? Откуда ты родом?“ Я несколько не испугался и отвечал: „Дружище! Я благородный ариец! Из рук врага я попал в море, из моря — на корабль арабских купцов, с корабля — на эту прелестную пестрокаменную гору и тут случайно отдыхаю у этого

озерка. Впрочем, желаю тебе быть здоровым!" На эти мои слова тот сказал: „Отвечай мне на вопросы! Если ты не ответишь, я съем тебя!" Я сказал: „Ладно, спрашивай!" После разговор наш продолжался в стихах:

Он. Где жестокость?

Я. В сердце женщины.

Он. Что полезно, что приятно

Человеку женатому?

Я. Жена - ховяйка.

Он. Любовь, что это такое?

Я. Воображение только.

Он. Для кого нигде нет трудного?

Я. Для ума изобретательного.

Что это действительно так, доказывается судьбою Думини, Гомини, Нимбавати и Нитамбавати. Когда я это сказал, он попросил меня рассказать ему о том, каковы были эти женщины. Я для примера стал рассказывать историю о Думини.

ЖЕСТОКОСЕРДАЯ ЖЕНА

Существует страна, называемая Тригартта. Там жили когда-то три родных брата, по имени Данака, Данбьяка и Динбьяка. Все они обладали большим, солидным состоянием. При их жизни случилось, что двенадцать лет под ряд не было дождей. Хлеба засыхали на корню, овощи не давали плода, бесплодны стали и плодовые деревья, облака проходили без дождей, реки пересохли, от озер оставалась одна грязь, все горные потоки перестали стекать с гор, съедобные дикие клубни, корни и плоды стали редкостью. Умолки рассказы, перестали справляться заветные празднества, умножилась порода воров, люди стали съедать друг друга, они превратились в блуждающие черепа, желтые, цвета журавлиных птенцов. Стая высохших ворон перелетали с места на место. Опустили большие города, деревни, посады, поселки и т. п.

У упомянутых троих домохозяев сначала истощились все запасы хлеба, затем они по порядку приели коз, овец, буйволов, стадо коров, рабынь, рабов, детей, жену старшего и среднего брата и наконец (дожили до того дня, когда) постановили на завтра съесть жену младшего брата Думини. Но младший брат Динбьяка не был в состоянии есть свою любимую супругу. В ночь накануне того дня, когда она должна была быть съедена, он вместе с ней бежал. На пути она устала, он взял ее на плечи и пошел, неся ее в глубь лесов. Мясом и кровью собственного своего тела он утолял ее голод и жажду. Неся ее далее на себе, он увидел валяющегося на земле какого-то человека, у которого были отрублены руки, ноги, уши и нос. Будучи жалостливым в сердце, он взял его также

на плечи и снес в самую лесную чашу, где еще много было дичи и съедобных корнеплодов и клубней. Старательно устроив там шалаш, он прожил в нем (с женой и обезображенным калекой) довольно долгое время. Залечив его раны посредством масла из растения „ингуди“ и других снадобий, он кормил его мясом и овощами наравне с собой. Когда же Думини, супруга его, заметила, что он откормился, растолстел и стал иметь (как бы) избыток жизненных соков, она, воспользовавшись отсутствием мужа, ушедшего на охоту за дичью, пристала к нему с предложением своей любви. Хотя тот ее и выбранил, однако она насильно заставила его отдаться ее любви. Вернулся муж и попросил у нее попить воды. Она отвечала: „Доставай сам, вода в колоде. У меня болит голова“, и бросила ему ведро с веревкой. Когда же он принялся доставать ведром воду из колодца, она подошла к нему сзади и пихнула в колодезь. После того она взяла своего обезображенного калеку-любовника на плечи и стала переходить с ним из одной страны в другую (выдавая его везде за своего мужа), она приобрела славу верной жены и пользовалась всякого рода почетом и подарками. Наконец, по милости царя Авантийского она обосновалась и стала жить в очень большом довольстве и богатстве. Между тем муж, (которого она бросила в колодезь), был случайно найден проезжими купцами, которые искали воды. Они вытащили его. И вот однажды она видит его, бродящего в Аванти и просящего подаяния. Тогда она говорит: „Вот тот злодей, который превратил моего мужа в калеку!“ И она заставила не подозревавшего истины царя сделать распоряжение о том, чтобы праведник этот был подвергнут мучительной казни. И вот Диньяка, со связанными назади руками был сведен на лобное место. Но, очевидно, судьба давала ему еще продолжение жизни. Ничуть не падая духом, он говорит начальнику: „Пусть тот несчастный, которого я будто бы искалечил, скажет, что я в этом виновен! Тогда наказание мое будет наложено справедливо!“ Начальник подумал: „Да отчего бы и не сделать этого!“ Калека был приведен, и лишь только ему показали на этого (предполагаемого) преступника, он разрыдался и, будучи честной душой, рассказал про то, каковы были благодеяния праведника, и про то, какие злодеяния совершила его лживая жена. Разгневанный царь повелел за все ее злодеяния искалечить ей лицо и назначить поварихой для собак. Диньяка же он осыпал своими милостями.

И вот почему на вопрос: „Что жестоко?“ я отвечаю: „Жестоко сердце женщины“.

Затем людоед попросил меня рассказать также и историю Гомини. Я стал рассказывать.

ОБРАЗЦОВАЯ ХОЗЯЙКА

В стране Дравидской есть город по имени Канчи. Там жил сын некоего купца по имени Шактикумара, состояние которого исчислялось несколькими десятками миллионов. Когда ему исполнилось почти восемнадцать лет, он стал призадумываться. „Счастье невозможно в жизни без жены, — думал он, — как же мне поступить, чтобы найти себе добродетельную супругу?“ Бывает случайное счастье с женой, найденной чужими, достойными доверия людьми, но он не считал (этот путь надежным, и отправился искать себе подходящую жену). Под видом прорицателя он отправился странствовать по земле, взяв с собою заделанным в мешке некоторое количество риса в зерне. Родители везде показывали ему своих дочерей, потому что принимали его за прорицателя. Лишь только он встречал девушку подходящей касты, с подходящими на теле благоприятными признаками, он обращался к ней с такими словами: „Не можешь ли ты, дорогая моя, угостить меня кашей из этого риса?“ В ответ на это его с насмешками выгоняли вон. Так он странствовал из дома в дом. Однажды он таким образом очутился в стране Тиби, в главном городе, расположенном на правом берегу реки Кавери. Там он увидел молодую девушку-сироту, которая вместе с родителями лишилась всего их большого состояния. Жила она в бедном доме, не имела денег, носила лишь несколько незначительных украшений, была на попечении своей воспитательницы, которая ее и вывела к нему. Рассмотрев ее внимательно, он пришел к следующему заключению: „Эта молодая девушка сложена пропорционально: все члены ее не слишком толсты и не худощавы, нет ни одного слишком длинного и ни одного слишком короткого, нет ни одного обезображенного (каким-нибудь недостатком) члена, и цвет ее кожи совершенно чист. На ее ступнях замечаются розовые пальчики и линии счастливых предзнаменований в форме ячменного колоса, лотоса, кувшина и др. Ее голени хотя и мускулисты, однако щиколки не выдаются, и не видать жил, линия с ляшек образует овал правильной формы, колени едва виднеются, они как бы исчезают в полноте ее пышного тела. Ее седалище образует правильно закругленную, как колесо, линию, оно пропорционально разделено, и на каждой половине виднеется посередине по маленькому углублению. Кружок ее пупка едва заметен, он образует углубление на слегка выгнутой середине живота и прикрыт тремя красивыми складками. Ее красивые, пышные груди покрывают весь ее бюст, и выпукло на них выдаются наружу два сосца. Ее ладони покрыты счастливыми линиями, знаменующими обилие

денег, хлеба и многочисленное потомство. Ее красивые, выпуклые, тонкие ногти блестят, как драгоценные камни на розовых, прямых, правильно круглых пальцах. Нежные руки ее, как две лианы гладко спускаются с плеч, так что суставы на них не заметны. Ее тонкая шея красуется как горлышко кувшина. Овал ее лотосоподобного лица разделен посредине красной полосой губ, снизу же оканчивается прелестным подбородком, как бы касающимся линии плеч. Круглые щеки ее полноваты и упруги. Нежные линии ее прелестных темных бровей слегка изогнуты и не касаются друг друга. Линии ее носа напоминают форму не вполне развившегося цветка тила. Ее большие глаза блистают тремя цветами — весьма темным (зрачка), белым (глазного яблока) и красным (его окружности); ласково, умно и спокойно смотрят они. Красивая форма ее лба походит на половину луны и обрамлена сверху рядом прелестных локонов цвета темного сапфира. Линии ее прелестных продолговатых ушей напоминают линии дважды свернувшегося стебля лотоса. Ее пышные, не слишком вьющиеся душистые волосы представляют собой одну сплошную массу ровного, темного, как смола цвета, которая даже на краях не имеет более бледного оттенка. Характер ее (наверное) столь же безупречен, как и красота, однако я все-таки подвергну ее испытанию, — подумал он, — и затем женюсь на ней. В таком деле нельзя поступить неосторожно. Иначе последует раскаяние за раскаянием“. Так размышлял он, смотря на нее любующимся взором, и сказал: „Сумеешь ли ты, дорогая, из этого количества риса сделать кушанье и накормить меня?“

Тогда она вопросительно посмотрела на свою старую няню, потом взяла из его рук мешочек риса, отвела его на предварительно хорошо sprыснутое водою и выметенное место под навесом у дверей дома, посадила его на нем, и подала воды для омовения ног. После того она взяла душистые (не совсем просохшие) зерна риса, рассыпала их на ровном месте и, несколько раз переворачивая на солнце, слегка просушила их. Затем она весьма осторожно принялась растирать их гладкой поверхностью круглой палочки, чтобы снять с зерен шелуху целиком, не раздробляя ее. Окончив (быстро) эту работу, она сказала няньке: „Матушка, такая шелуха нужна золотых дел мастерам, потому что посредством нее хорошо очищаются драгоценные украшения. Продай ее и на полученные копейки купи несколько поленьев дров, самой крепкой породы, не слишком сырых и не слишком сухих. И принеси мне также среднего размера горшок для варки и две чашки“. Та сказала: „Хорошо“, и ушла. Тогда молодая девушка бросила рис в ступу, крепкую, из какубового дерева сделанную, не очень мелкую,

кверху расширявшуюся, а также большой, тяжелый, из кадирового дерева пестик, снизу обшитый листовым железом, кверху ровный с утончением посередине, и стала ловко и грациозно поднимать и опускать его, доставляя своей руке немалую работу. Несколько раз она размешивала пальцами уплотнявшийся слой зерна и принималась вновь его толочь. Затем она высыпала зерно на веяльное корытце и, протрясая его, выделила наверх оставшиеся еще в нем усы риса. После этого она вымыла его и, предварительно сотворив молитву гению кухонного очага, стала кипятить воду. Дав ей пять раз подняться она бросила в нее рис. Когда зерна стали разбухать, но еще выделялись одно от другого, она дала им размякнуть настолько, что они стали несколько мягче цветочной почки.

Тогда она уменьшила огонь, покрыла горшок крышкой, и вылила через нее из горшка рисовый отвар. В оставшийся рис она опустила ложку и в продолжение некоторого времени размешивала его, пока он весь не вышел равномерно сварившимся. Тогда она опрокинула горшок и (высыпала рис в чашку). Не совсем еще перегоревшие дрова она обдала водой, затушила и превратила в уголь, который и послала (сразу) продать торговцу, сказав няне: „За это ты получишь несколько копеек и купишь на них немного овощей, немного топленого коровьего масла, немного кислого молока, немного растительного масла и зерен мироболана и тамаринда, сколько бы там ни пришлось получить (за эти деньги). Все это нянька исполнила. Из принесенных материалов девушка приготовила несколько острых приправ к рису. Затем, так как и рис, и отвар находились в двух новых чашках, стоявших на влажном песке, (и были очень горячи, она, чтобы окончательно их приготовить, сначала) охладила их легким ветерком посредством веера, затем посолила и подушила запахом благовонного курения и таким образом окончательно приготовила. Зерна же мироболана она растолкла, приготовила из них ароматный порошок, придала ему (еще) запах лотоса и, через посредство няньки, пригласила гостя перед обедом взять ванну. Нянька, которая предварительно сама взяла ванну, подала ему душистую мазь из мироболанового порошка. Он как следует выкупался и надушился. Окончив омовение, он сел на скамеечку, поставленную на месте, которое сначала было для того вспрыснуто водою и выметено. Перед ним лежал большой ярко-зеленый лист, снятый с банановой пальмы, росшей тут же перед домом; верхушка от него была отрезана, и на нем стояли две чашки (одна с рисом, другая с отваром). Он уже протянул пальцы к сочному (рису), но приостановился, она сама (стала ему служить). Сначала она подала ему (приготовленный ею

горячий) жидкий отвар. Он напился и сразу же приободрился, усталость с дороги прошла, все тело покрылось легким потом. Затем она подала ему рис, положив его двумя полными ложками (на зеленый лист, лежавший перед ним). К нему она подала жидкий соус и приправы. После того она подала ему кислого молока, смешанного (с медом) и розовым маслом и, как заключение, прохладительное блюдо из сыворотки с рисовым экстрактом; он был совершенно сыт. Немного рису еще оставалось. Тогда он попросил пить. Она полным потоком налила ему питьевой воды, которая хранилась у нее в новом кувшине и была надушена курением алоэ, ароматом свежих бегоний и запахом вполне распустившихся лотосов. Он поднял над ртом кружку и стал вливать в себя эту прозрачную воду до тех пор, пока она не дошла у него до горла (при этом все пять чувств его испытывали своеобразное наслаждение). Глаза его покраснели, и на ресницах выступили неправильными рядами капли холодных слез. Слух его приятно внимал потоку вливавшейся через рот воды. По его гладким щекам пробежало содрогание, как от ощущения соприкосновения чего-то приятного. Ноздри расширились, чтобы жадно вдыхать сильнейший поток аромата. Необыкновенная сладость воды заставляла его язык, приподнимаясь, причмокивать. (Она предложила ему выпить еще кружку), но он знаком головы отклонил. Тогда она в другой кружке подала ему воды для полоскания рта, а старая няня убрала все остатки обеда и (приготовила гостю отдохнуть). На месте, вымытом водой, смешанной со свежим коровьим пометом, лоснившимся светло-коричневой, гладко-убитой поверхностью своей, она разостлала свою собственную старую одежду, и он (расположившись на ней) заснул. (Будучи как нельзя более удовлетворен сделанным испытанием) он сочетался с ней браком согласно законам (своей религии) и взял ее в свой дом. Но это не помешало ему, не испросив ее согласия, привести к себе в сераль еще и другую женщину, которая (до того) была профессиональной гетерой. И ее она приняла в дом радушно, как дорогую подругу. Мужу она была предана, как божеству, и никогда не уставала ухаживать за ним.

Все обязанности по хозяйству она исполняла неукоснительно. Так как ее внимательности и любезности не было конца, прислуга охотно ее слушалась. (В конце концов) она своими талантами покорила мужа, так что он поставил весь дом в зависимости от ее воли. Так как жизнь и здоровье его были в ее руках, то все цели его жизни (его материальное благосостояние, его семейное счастье и его религиозные идеалы) осуществлялись в жизни (согласно с ее желаниями).

Итак, вот почему я отвечал на твой вопрос о том:

Что приятно, что полезно
Человеку женатому?
Полезны и приятны
Таланты женщины-хозяйки.

Затем по просьбе того же демона-людоеда я рассказал ему историю (о замужестве) девицы Нимбавати.

КАПРИЗ ЛЮБВИ

В стране Сураатской есть большой приморский город Валаби. Там жил богатый арматор, по имени Грихагупта, состояние которого равнялось богатствам бога Куверы, владыки всех сокровищ. У него была дочь по имени Ратнавати. И вот какой-то молодой купец, по имени Балабадр, возвратясь из путешествия из страны Мадумати (стран мусульманских), взял ее замуж. Но в самую свадебную ночь, когда молодые остались наедине и он (сразу слишком резко) стал домогаться любовных наслаждений, она вспылила и отказала ему. Он же после того сразу почувствовал к ней отвращение. Он не захотел даже с ней встречаться и прекратил посещать дом ее родителей из стыда перед ними. Все уговоры его друзей не могли заставить его изменить эти отношения. Она же была несчастна, над ней издевались как свои, так и чужие, называя ее не Ратнавати, а Мимбавати (что значит „колючка“). Прошло некоторое время, она стала горько раскаиваться в своем поступке. Однажды, когда она сидела в раздумьи о том, какая ее ожидает судьба, пришла к ней старая монахиня, которую она любила как мать, и принесла ей несколько оставшихся от приношения богам цветов. Перед ней наедине она стала жаловаться на свою судьбу и рыдать. Слезы жалости показались также в глазах монахини. Она всякими способами старалась ее успокоить и спросила наконец о причине ее горя. Тогда та, стыдясь важности своего проступка, с усилием проговорила следующее: „Мать моя! Зачем мне все тебе рассказывать! Скажу только одно: если замужняя женщина несчастна, особенно женщина, дорожащая своей честью, то это для нее живая могила. Например, я: начиная с матери, все родные не смотрят на меня иначе, как с презрением. Сделай что-нибудь такое, чтобы они изменили свое отношение ко мне. Иначе я положу конец этому бесцельному моему существованию. Но, пожалуйста, не разглашай никому этой тайны, пока я еще жива“. При этих словах она упала к ее ногам. Монахиня подняла ее, сама расплакалась и сказала: „Дитя мое! Не принимай таких внезапных решений. Я в твоём распоряжении. Пока я тебе буду нужна, я не буду служить никому другому.“

Если жизнь действительно до такой степени тебе опротивела, то ты можешь удалиться в монастырь и под моим руководством отдаться посту и молитве, в целях достижения блаженства в будущей жизни. Ведь ясное дело, что твое несчастье есть результат какого-нибудь проступка, совершенного тобою в одном из прежних твоих перерождений. Иначе нельзя себе объяснить, что ты, будучи одарена такою красотою, такими нравственными качествами и столь благородным происхождением, тем не менее возбуждаешь чувство отвращения в своем муже! Но нет ли у тебя самой какого-нибудь плана для исцеления мужа твоего от вражды к тебе? Если есть, скажи мне. Ты ведь всегда была очень сообразительна". Тогда она опустила голову и простояла несколько времени в неопределенном раздумьи, затем вздохнула с глубоким и сильным чувством, и сказала: „Матушка! Муж ведь единственное божество для жены, в особенности для верной жены. Поэтому нужно было бы сделать что-нибудь такое, что поставило бы меня в такое положение, чтобы я могла проявить полнейшее к нему послушание. (И вот, что я придумала). Рядом с нами живет купец (по имени Нидипатидатт); по благородству своего происхождения, по своему богатству, по своей близости ко двору, он превосходит всех старейшин города. Его дочь по имени Канакавати очень походит по внешности на меня, она — моя подруга, очень мне преданная. С нею вместе, раздевшись вдвойне лучше против обыкновенного, мы расположимся на верхней террасе их дома. Ты же постарайся как-нибудь привести к этому дому мужа моего, сказав, что мать моей подруги очень хочет его видеть. Когда он вместе с тобою подойдет к самому дому, то я представлюсь как будто заинтересовавшейся и заигрывающей с ним и брошу в вашу сторону мячом. Ты его поднимешь, отдашь ему в руки и скажешь: „Сын мой! Это Канакавати, подруга твоей жены, дочь главы здешней гильдии купцов, которого зовут Нидипатидатт. Она страшно осуждает тебя за твою историю с Ратनावати, находит, что ты безжалостен и непостоянен. Поэтому этот мяч есть вещь, принадлежащая врагу, и ты обязан ее вернуть". Услышав это, он наверное поднимет голову кверху и, увидав меня, примет меня за мою подругу. Когда я, подняв кверху сложенные ладони, буду просить его вернуть мяч, он вернет его после многократных моих просьб; при этом некоторый интерес ко мне (западет в его сердце). После такого начала страсть его будет развиваться, и тогда нужно будет устроить дело так, чтобы он назначил мне свидание и, взяв меня с собою, бежал в другую страну". Монахиня радостно одобрила этот план и стала приводить его в исполнение. В результате Балабадр был проведен за нос старой монахиней и, будучи убежден, что имеет

дело с Канакавати, ночью, в непроглядную тьму, взяв ее вместе с ее драгоценностями, деньгами и украшениями, бежал из города. Монахиня же стала распространять слух, будто Балабадр ей накануне сказал: „Я был неправ в том, что без основания бросил Ратнавати, оскорбил ее родителей и не слушался советов моих друзей. Теперь, если я вновь с ней сойдуся, мне будет стыдно оставаться в том же городе“. Наверно, он увел ее в другое место. Впрочем, дело скоро разузнается!“ Слух такой дошел до ее родни и она не стала делать особых усилий, чтобы ее найти. Ратнавати на пути наняла служанку, которая несла дорожный провиант и прочее имущество. С нею вместе они прибыли в город Кетак. (Тут Балабадр занялся торговлей. Будучи по природе) ловким купцом, он, начав с незначительным капиталом, в скором времени нажил большое состояние, и занял положение в числе первейших граждан города. Дело его требовало большого количества служащих, которые все жили в его доме. Однажды он сильно выбранил ту служанку, с которой они впервые прибыли в этот город. „Ты не работаешь, — кричал он, — воруеть на глазах и дерзишь!“ В прежнее время она пользовалась доверием своих хозяев и знала тайну (заставившую их переехать в этот город). Теперь она рассердилась и стала разглашать ее отчасти и (на стороне). Слух о ней дошел и до начальника городской полиции, человека корыстного. Он явился в совет городских старейшин и стал перед ними выказывать сильное возмущение. „Этот Балабадр — преступник! Он украл и увез Канакавати, дочь Нидипатидатта, и после того поселился в нашем городе! Следует конфисковать все его имущество, и нечего вам возражать против конфискации!“ Балабадр перепугался, но Ратнавати его успокоила. „Не бойся, — сказала она ему, — скажи, что это вовсе не Канакавати, дочь Нидипатидатта, это — Ратнавати, родом тоже из Балаби, дочь Грихагупта. Я взял ее с согласия ее родителей и женился на ней законным путем. Если вы мне не доверяете, пошлите разведчика к ее родителям“. Балабадр так и сказал. Гильдия местных купцов за него поручилась. Он оставался на свободе до тех пор, пока Грихагупта не получил письма из города Кетака и не узнал из него о случившемся. Тогда он прибыл в этот город, был весьма обрадован (согласием, установившимся между) его дочерью и зятем и увел их обратно (в родной город). Увидев, таким образом, что он принимал Ратнавати за Канакавати, Балабадр однако не изменил своего к ней отношения, и оказалось, что он очень любит ее. Оттого я и говорю: „Любовь есть какой-то каприз воображения“.

После этого демон-людоед спросил меня про историю Нитамавати, и я стал ее рассказывать.

ПРОЙДОХА

В Сурасенском царстве есть город, называемый Матура. Там проживал некий молодой человек благородного происхождения, большой любитель продажных женщин и всяких художеств. В делах своих друзей он любил на свой риск завязывать и разжигать всякие ссоры, и потому беспощадная молва наложила на него прозвище Калахакантак, т. е. „Заноза“. Однажды ему случилось увидеть в руках приезжего художника картину. На ней изображен был портрет молодой женщины. Достаточно было одного взгляда на этот портрет, чтобы свести с ума нашего Калахаканта. Тогда он обратился к художнику с такими словами: „Любезный друг! Мне представляется тут (в чертах написанной тобою женщины) какое-то противоречие. Такие формы редко встречаются между женщинами хорошего класса, между тем манеры указывают на благородство происхождения. Цвет лица бледен, но тело такое, что оно, очевидно, не испытывало счастья слишком усердных любовных наслаждений. Выражение лица у нее гордое, недоступное. Между тем муж ее не находится в отсутствии. Она не носит волос, заплетенных в одну косу, и прочих отличий жены, ожидающей возвращения мужа. Кроме того, у нее на боку я вижу вот этот знак (след ногтей от недавних объятий). Поэтому это должна быть замужняя женщина, жена какого нибудь старика-купца, не очень хорошо сохранившегося. Она страдает физической неудовлетворенностью. У тебя большой талант. Ты писал (не шаблонно), писал, что видел (реалистически)“. Тот поблагодарил его и сказал: „Это правда. Когда я был в городе Уджайни, столице царства Авантийского, я встретил там жену богатого купца Анантакирти. Ее звали Нитамбавати, т. е. „обладательница красивых форм“, что и соответствовало действительности. Я был поражен ее красотой и потому написал ее портрет“. Услышав это, он сразу вспыхнул к ней страстью и, захотев непременно ее увидеть, переехал жить в Уджайни. Выдав себя за прорицателя, он под этим видом проник в ее дом и увидал ее. После того любовь еще сильнее забушевала в его сердце. (Но так как нужно было жить в чужом городе) он попросил у городского „совета старейшин“ места сторожа на кладбище и получил его. Тут в его пользу поступали саваны, в которые бывали завернуты мертвые тела, и другие (кое-какие доходы), которые он стал преподносить одной монахине, по имени Архантике. Через ее посредство он сделал тайное предложение Нитамбавати (изменить своему мужу). Но она была этим возмущена и резко отказала. Узнав к тому же от монахини,

что она честная женщина, и что соблазнить ее будет не легко, он тайком стал наставлять свою посланницу: „Сходи еще раз к этой купчихе и, когда ты останешься с ней наедине, скажи ей, что такому человеку, как я, дорого только спасение души. Он видит все недостатки мирского бытия и проводит все свое время в сосредоточенном размышлении. Возможно ли, чтобы такой человек стремился заставить верную жену забыть о своем долге? Какая несообразность! Он хотел только испытать тебя. Он знал, что ты очень богата, божественно красива и молода, и он хотел лишь узнать, доступна ли тебе измена, которую другие женщины в твоём положении совершают легко. Я очень рада, что ты оказалась такою непорочною. Но теперь я желала бы видеть тебя имеющею потомство. Между тем муж твой одержим каким-то злым духом, он чахоточный, слабый, неспособен произвести потомство. Никогда ты не будешь иметь детей, если не употребишь каких-нибудь средств для исцеления его. Поэтому прошу тебя сделать следующее. Приходи тайком в сад. Я же приведу туда колдуна, знающего заговоры. Не открывая ему вовсе своего лица, ты положи одну ногу ему на руку, и он ее заговорит. Тогда ты сделай вид, что ты разнервничалась от желания любви, и ударь этой ногой твоего мужа в грудь. После этого в нем мощно разовьется самый основной сок жизни, и это сделает его способным произвести здоровое потомство. И будет он тогда ухаживать за тобой, как за богиней. Опасности же тут никакой быть не может“. — Когда же ты ей это скажешь, она наверное согласится. Ночью ты проведешь меня в сад, а затем приведешь туда и ее. Если ты все это исполнишь, то окажешь мне этим большую услугу“. (Монахиня сходила к Нитамбавати и) заставила ее согласиться (с предложенным планом). В высшей степени обрадованный Калахакантак проник в следующую же ночь в сад, куда старанием монахини была приведена Нитамбавати. И вот в тот момент, когда он дотронулся до ее ноги, он быстро сорвал с нее золотой браслет и слегка царапнул ее ножом у основания ее ляшек. Затем он убежал с величайшей поспешностью. Тогда она основательно перепугалась, стала упрекать себя за глупое поведение, а монахиню была готова растерзать. Рану ей пришлось обмыть тут же в домашнем пруду и перевязать тряпкой. Под предлогом, что он жмет ногу, она сняла золотой браслет и с другой ноги и пролежала в уединении три или четыре дня, не вставая с постели. Между тем этот пройдоха пришел с ножным браслетом, который был им сорван, к Анантакирти и предложил ему купить его. Но тот, увидев его, сказал: „Да ведь это браслет моей жены! Каким образом попал он к тебе?“ и, не получая никакого ответа, стал настойчиво повторять тот же вопрос.

Наконец он ответил определенно, что даст требуемое указание только в присутствии купеческой гильдии. Тогда Анантакирти велел жене прислать оба своих ножных браслета. Она же, сгорая от стыда и смущения, отвечала: „Сегодня ночью я вышла в сад, чтобы освежиться, и там потеряла один из браслетов, который очень слабо держался на ноге. Я его искала и днем сегодня, но не могу найти. Но вот другой“. С этими словами она бросила ему оставшийся золотой браслет. Тогда Анантакирти, представив его (в качестве доказательства), обратился в купеческое собрание. Вызванный туда шелвец отвечал на допрос очень почтительно следующее: „Вам ведь известно, что я по вашему же назначению караулю кладбище отцов ваших и живу с дохода от этой должности. Предполагая, что воры, боясь встретить меня днем, могут прийти ночью (обокрасть и потом) сжечь мертвые тела, я иногда ночую на кладбище. И вот, наемдни, я увидел женщину в черной одежде, которая усиливалась стащить с костра наполовину обгоревшее мертвое тело. Предполагая в ней воровку, я ее схватил. Она сопротивлялась, и тут в суматохе я случайно задел ее кинжалом по ляшке выше колена. Соблазненный ценностью (золотых браслетов на ее ногах), я сорвал один из них. Когда это случилось, она быстро убежала от меня. Вот откуда у меня браслет! Решение же моей участи в ваших руках!“

Обсудив это дело, собрание единогласно решило, что она ведьма. Муж изгнал ее из дома. Она (скиталась без пристанища), сильно горевала и решила наконец умереть. Привязав себе на шею веревку, она ночью пришла на то самое кладбище, где караульщиком был проходжа Калахакантак. Тут он удержал ее и стал лестно склонять ее на свою сторону. „Красавица, — говорил он, — твоя краса свела меня с ума. Чтобы овладеть тобою, я через посредство монахини придумывал всякие планы. Но ни один не удался. Тогда я наконец прибег к этому способу. Иного исхода у меня не было. Прости меня, твоего покорного раба. Пока я жив, ты будешь единственной моей женой“. При этих словах он несколько раз падал к ее ногам, всячески старался примирить ее с собою, и так как иного выхода не было, она ему подчинилась.

Вот почему я отвечал тебе: „Находчивость спасает из трудного положения“.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выслушав эти рассказы, демон-людоед преклонился передо мною. В этот самый момент попадали с неба жемчужины, величиною в вполне развившуюся почку лотоса, вместе с каплями воды. „Что это такое?“ подумал я и поднял глаза кверху. Я увидел другого

демона который тащил отбивавшуюся от него какую-то женщину „Как смеет этот бесцеремонный демон тащить к себе женщину против ее воли?“ — С этой мыслью (я хотел освободить ее), но, не будучи в состоянии подняться на воздух и не имея оружия, (ничего не мог поделаться, и только) сокрушался. Но союзником мне явился первый демон-людоед. Он крикнул ему: „Стой, стой! Куда ты ее тащишь?“ Ругаясь, поднялся он на воздух и схватился с ним. Тот, рассвирепев, забыл о женщине, которую держал в руках. и выронил ее. Я же смотрел вверх, распростер руки и поймал ее, когда она летела с неба на землю, как пучок цветов с райского дерева. Закрыв глаза, она дрожала. Я держал ее, ощущение соприкосновения со мною приятно поразило ее, и содрогание пробежало по всёму ее телу. Не выпуская ее из рук на землю, я стоял. Между тем оба демона стали наносить друг другу удары камнями, поднятыми на вершине горы, и целыми деревьями, вырванными там же вместе с корнями. Наконец ударами кулаков и ног они умертвили друг друга. Тогда я положил свою ношу на берегу озера на самое мягкое, песчаное место и подостлал под нее нарванные тут же цветы. Внимательно и с интересом рассмотрев ее, я узнал в ней царевну К а н д у к а в а т и, единственную страсть моей жизни. Я принялся ее успокаивать. Она вскользя на меня посмотрела и узнала меня. Тогда она сказала: „Владыка мой! Как только я впервые увидела тебя на том „празднике мяча“, во мне вспыхнула любовь к тебе, а затем моя Ч а н д р а с е н а рассказами о тебе утешала меня. Когда же я узнала, что ты был брошен в море по приказу Б и м а д а н в а н а, преступного моего брата, я, тайком от подруг и служанок, покинула дом и пришла в городской парк, чтобы там покончить с собой. Там (увидал меня и) влюбился в меня этот противный демон. Когда я в испуге отвергла его предложения и хотела бежать, он побежал за мной и схватил меня. Но вот тут (к счастью) он прикончил свои дни. Я же по воле судьбы упала как раз к тебе на руки, в руки того, кто является владыкой жизни моей! Спасибо тебе!“ Выслушав ее слова, я вместе с ней покинул берег и сел на корабль. Корабль отчалил, ветер был попутный и прибил нас к самому городу Д а м а л и п т а. Мы без труда спустились на берег. Тут мы увидали плач и вопль народный и слышали такие разговоры: „Т у н г а д а н в а н, старый царь С у х м и й с к и й, потерял и сына, и дочь. Других детей у него нет. Поэтому он отправляется отсюда, чтобы на святом берегу реки Ганга путем голодовки покончить жизнь. Вместе с ним хотят умереть преданные ему городские старейшины, у которых нет теперь другого царя!“ Но я (пришел к царю), рассказал ему все, что случилось, и вручил ему обоих его детей. Властитель Д а м а

липты был очень обрадован и сделал меня своим зятем. Его сын был мне подчинен. По моему приказу он перестал и думать о Чандрасене, она как бы для него умерла, и Кошадас на ней женился. После всего этого я явился сюда (с войском), чтобы оказать союзническую помощь царю Синхаварману, и тут переживаю радостный праздник, так как вижу тебя, моего владыку!

Выслушав это, царь Раджавахан сказал: „Удивительна твоя судьба, но и дела твои хороши и сообразны с обстоятельствами“. Затем он улыбнулся, при чем показал свои белые зубы, и обратил свое веселое, открытое лицо на Мантрагупта. Но у того приключилось несчастье с губами. В порыве страсти его любимая супруга укусила их, и он, страдая, слегка прикрыв лотосоподобной рукой лицо свое, стал рассказывать свои приключения, избегая при этом произносить губные звуки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАНТРАГУПТА

О, сын царя царей! Я также стремился разузнать о твоей судьбе, после того как ты, через отверстие в земле, спустился в подземное царство. Случайно как-то раз я забрел в страну Калинга. Там, в некотором отдалении от главного города, есть особое кладбище, где происходит сожжение тел умерших горожан. Возле него, под большим лесным деревом, я устроил себе на земле ложе из свежих, сочных его побегов, присел и, когда сон стал смежать мои глаза, лег спать. Спустилась тьма, как шапка волос на голове черной ночи. Задвигались ночные тени. Закапала роса. Все существа попрятались по своим обиталищам. Установилась очень холодная ночь, и вдруг, когда сон уже стал ласкать мои глаза, внимание мое привлек к себе дошедший до моего слуха шопот, раздавшийся посреди чащи лесных ветвей. Перешептывались между собою страшно перепуганные лесной демон и его супруга. „Как смел, — говорили они, — этот волшебник, эта негодная дрянь, помешать нам и давать нам поручения в то время, когда мы оба, мучимые неудержимой страстью, собирались наслаждаться взаимной любовью. О, пусть явится кто-нибудь другой, человек ничем не ограниченной силы, и сокрушит волшебную силу этого негодного кудесника“. Когда я это услышал, во мне разгорелось любопытство. „Что это за волшебник, — подумал я, — какая у него

сила? Какое поручение будет исполнять этот демон?" Я встал и пошел в ту сторону, куда отправился демон. Пройдя некоторое расстояние, я увидел какого-то человека, тело которого было густо увешано дрожавшими на нем, сделанными из человеческих костей, украшениями. Вместо благовонной мази оно было покрыто древесной золой. На голове у него была шапка зигзагообразно сплетенных волос. Возле него горел огонь. Он вспыхивал языками пламени, по мере того как им охватывались все новые поленья разной породы дров. Казалось, то сверкали глаза лесных демонов во тьме лесной чащи. Лево́й рукой волшебник все время бросал в огонь производившие треск маслянистые семена сезама, горчицы и др. Перед ним стоял демон с руками, сложенными в просительной форме, и говорил: „Скажи, что делать! Отдай приказания!“ И он — злодейская душа — приказал следующее: „Ступай на женскую половину царского дворца и доставь сюда из ее спальни царевну Канакалеку, дочь Кардана, царя Калингского“.

Демон немедленно исполнил приказание и (доставил царевну). Она страшно дрожала, рыдания раздирали ей горло, сердце трепетало в отчаянии, беспрестанно вскрикивала она: „О, мой отец! О, моя мать!“ Венок цветов на ее голове завял и рассыпался, рубашка была изорвана. Схватив ее за пышные волосы, волшебник поднял наостренный на камне меч и хотел уже отсечь ей голову, но в этот момент я вырвал из его рук этот самый меч и отрубил им его же голову. Я спрятал ее вместе с шапкой волос в дупле росшего вблизи старого большого дерева. Увидав все это, демон был страшно обрадован. Он как бы исцелился от большого горя, и рассказал следующее: „О, благородный ариец! Мне до такой степени досаждала эта дрянь, что сон никогда и не прикасался к глазам моим. Он грозил мне, пугал, давал неисполнимые поручения! Поэтому ты (убив его) совершил самое благое дело, ты показал себя источником всякого добра. В благодарность за то, что ты отправил этого негодяя в подземное царство бога Ямы, чтобы он там испытал адские пытки, за это я с радостью исполню какое-нибудь твое поручение. Ты одновременно источник и милосердия, и беспредельного мужества! Приказывай! Нечего терять время!“ Тогда я дал ему такое поручение. Я сказал: „Друг мой! (то, что я сделал — пустяк, благодарности за это никакой не нужно!) Такое уж правило поведения всех порядочных людей. На какой-нибудь пустяк они не обратят никакого внимания. Но если ты против этого ничего не имеешь, то, прошу тебя, доставь царевну домой. Она не заслужила своих мучений. Между тем, стройное тело ее согнулось, как насильно изогнутый шест. Недостойный

волшебник этот страшно ее измучил! Другого поручения у меня для тебя нет! Ничем иным, как исполнением этого дела, ты не можешь так обрадовать мое сердце“.

Когда царевна услышала это, ее глаза забегали, — ее большие, как бы вплоть до голубого лотоса, заложенного за вершину уха, растянутые глаза. Она смотрела ими несколько вкось и исподлобья. Нежные брови ее, красиво изогнутые, как лук дельфино-знаменного бога любви, заколебались грациозно и томно, как две танцовщицы на сцене ее лба. Покрасневшая поверхность ее щек дрожала. И стыд, и страсть боролись в ней и попеременно ею овладевали. Отвернув в сторону лотосоподобное лицо свое, она кончиком ноги, на которой блестели, как лучи луны, закругленные ногти, (нервно) царапала землю. Ее розовые, как кончики побегов, уста заколебались. Слезы радости лились потоком из ее глаз: Как масса капель мелкого дождя они, падая на ее грудь, размазывали красную сандаловую мазь на ней. Однако ее как бы высушивал легчайший ветерок ее дыхания, исходивший из глубины ее уст и быстро скользивший прямо в сердце, как ловко попадающая в цель стрела бога Амура. При этом она показывала ряд белых зубов, которые испускали как бы волны белого света. Голосом, сладостным, как пение кукушки, она проронила следующие несвязные слова: „О, благородный ариец! Зачем ты вырвал меня из рук смерти, чтобы бросить в море любви, где гуляют, приводимые в движение ветром страсти, волны муки любовной? Прими меня хотя бы за пылинку на лотосоподобных ногах твоих! Я припадаю к твоим стопам! Если у тебя есть (хоть капля) сострадания ко мне, то сделай отличие между мною и обыкновенным просителем, (приходи ко мне!) Если же ты боишься, что тайна на женской половине нашего дворца не будет сохранена, и присутствие там для тебя представляет опасность, то этого нет. Подруги мои и служанки в высшей степени мне преданы. Они уже постараются о том, чтобы никто об этом не узнал“.

Тут бог любви натянул тетиву своего лука до самого уха и безо всякой жалости ударил мне стрелой прямо в сердце. Я оказался закованным в черные железные цепи ее вкось на меня бросаемых взглядов. Тогда я посмотрел в лицо демону и сказал ему: „Если я не исполню того, что мне предлагает эта, обладающая правильно закругленной формой седалища красавица, то бог любви, дельфино-знаменный, моментально приведет меня в ужасное, неопишуемое состояние. Поэтому доставь меня вместе с этой, имеющей глаза молодой лани, царевной в ее дворец!“

Ночной демон так и сделал, и я был доставлен им в жилище царевны, которое (своими высокими, светлыми теремами) блистало,

как масса серых осенних облаков. Там я некоторое время постоял в указанной ею комнате и все время устремлял свои глаза в сторону ее лица, которое (освежало меня), как свет луны. Подруги ее спали безмятежно, но она легким толчком руки разбудила некоторых из них и предупредила их о том, что произошло. Те подошли ко мне, поклонились мне в ноги и шопотом, с глазами, затуманенными потоком слез, начали говорить, так что, казалось, зажужжали пчелы, сидевшие на кончике тычинок тех цветов, из которых были сплетены венки на их головах: „О, благородный ариец! — говорили они, — твоя мужественная энергия превосходит силу света самого солнца. Только благодаря тому, что царица наша попала к тебе на глаза, только поэтому избежала она смерти. Перед священным жертвенником, на котором горит огонь любви, она отдана тебе в жены наивысшим из первосвященников — богом Амуром. О, ты, обладающий лотосоподобными глазами! (Надейся на) ее сердце! Оно постоянно и твердо, как каменное подножие алмазной скалы. Укрась его удивительной драгоценностью — центральным большим самоцветным камнем любви твоей! Пусть ее высокая грудь исполнит свое назначение, подвергаясь крепким объятиям достойного мужа“. После этих в высшей степени любезных слов ее подруг, цепи любви, которые сковали мое сердце, стали связывать меня еще гораздо крепче. Она отдала свое тело в мою власть, и я наслаждался ею.

Но вот, по прошествии некоторого времени (наступила весна). В это время сердца людей, живущих далеко от своих возлюбленных жен, томятся от разлуки. Подобно тому, как на лбу у людей красуется прелестный значок касты, нарисованный сандаловой краской, так на фоне лесов стало выделяться цветущее дерево тилака, и жадные пчелы, летая по его цветам, до истощения использовали на них густую цветочную пыль. Подобно тому, как царь имеет желтый зонт, как знак своего достоинства, так и веселый бог любви является в эту пору в сопровождении совершенно распутившихся желтых цветов карникара. Дует южный ветер со стороны Малабара и своими порывами срывает с манговых деревьев цветочные почки вместе с сидящими на них пчелами. Подобно тому, как музыка на войне указывает на начало сражения, так и увлеченные сладостным пением соловья влюбленные женщины готовы были приступить к бою любви. В сердцах даже скромных девушек поселялась страсть, заставлявшая их забыть о стыде. Подобно тому, как учитель, танцуя, заставляет стройные тела женщин исполнять разнообразные грациозные пляски, так свежий ветер, скользящий по сандаловым рощам Малабара, приводит тогда всякого рода вьющиеся лианы в красивое колебание. В такое

время царь Калининский вместе со штатом своих жен, вместе с дочерью, а также вся городская знать переселились на берег моря и там в лесу в течение тринадцати дней (полумесяца) весело проводили время, увлекаясь всякими удовольствиями. (В этом лесу веяло прохладой), так как лучи солнца своею массой в него не проникали, согнувшиеся лианы, по которым летала масса пчел, своими конечными почками касались берега, а прибой волн морских обдавал его настоящим дождем из капель морской воды. Здесь царь отдался всецело своей страсти и удовольствиям, (всякие дела были оставлены), пение, концерты и собрания непрерывно следовали одно за другим, чувственные игры с массой женщин увлекали его своим безудержным проявлением страсти. Однако этим удобным случаем не замедлил воспользоваться царь Андрский, Джаясинх. Он неожиданно подплыл на кораблях с большим войском и взял царя Калининского в плен вместе с его женами. Была также уведена в плен, вместе со своими подругами, моя возлюбленная Канакалека, с испуганно бегавшими глазами. Меня стал жечь огонь неудовлетворенной страсти. Я перестал даже думать о пище, думал только о ней, тело мое (исхудало, и я) стал выглядеть очень плохо. Мне в голову приходили такие мысли: „Попала в плен дочь царя Калининского, вместе с отцом и матерью она в руках врага. Царь Андрский не устоит перед ней и наверное захочет взять ее в жены. Она же на это не пойдет. Она немедленно примет яду и умрет. А если это случится, то бог любви и мне не даст остаться в живых. Какой может быть из этого выход?“

В это время случилось мне увидеть одного брамина, прибывшего из столицы Андрского царства. Я от него услышал такой рассказ: „Натешившись над пленным царем путем оскорблений и пыток, Джаясинх намеревался убить его, но, когда рассмотрел его дочь Канакалеку, в нем вспыхнула к ней страсть, и он оставил царя Кардана в живых. Царевна же эта стала одержима каким-то бесом и не выносит присутствия мужчины. Чтобы изгнать беса, царь пригласил целое собрание волхвов, но результата никакого не получилось!“ Это известие обнадежило меня, (и я поступил следующим образом). Я вернулся (к кладбищу), возле которого я спрятал в дупле старого дерева снятую с убитого мною волшебника шапку волос, взял ее, надел на себя, устроил себе одежду, сшитую из старых тряпок, покрывавшую все тело, (приобрел таким образом внешний вид странствующего учителя-волшебника) и пригласил к себе нескольких учеников. Они были мною весьма довольны, потому что я всякими чудесами сильно привлекал к себе сердца населения и получал от него пищу, прислугу и проч. Постепенно

продвигаясь, я в несколько дней достиг столицы Андроской. В некотором от нее расстоянии находится большое озеро, по величине напоминающее море; на нем красуются вереницы водяных птиц, стаи гусей пожирают на нем массу лотосовых листьев, из них выпадают кусочки белых цветов лотоса, которые придают водяной поверхности серо-пестрый оттенок. В лесу, на берегу этого озера, я расположил свой стан. Я искусно провел за нос все население города, привлекая его сердца на свою сторону разными деяниями, рассказы о которых распространялись моими учениками. Повсюду обо мне люди стали говорить так: „Аскет, спящий на земле, который расположился станом в дремучем лесу на берегу озера, знает наизусть все священное писание, вместе с тайным, мистическим учением и шестью вспомогательными науками. Всякий, какие бы и сколько бы наук он ни изучал, может от него получить окончательное выяснение их смысла. Ложь никогда не касалась его уст. Он воплощенное милосердие. Если к нему обратиться и теперь же от него получить посвящение на какое-нибудь дело, то успех надолго обеспечен. Если взять из-под ног его несколько пылинок земли и посыпать ими свою голову, (то это исцеляет любую болезнь). Не одна опасная болезнь у многих больных, когда с нею не мог справиться ни один врач, была исцелена этим путем. Если обмыть голову водою, в которой он мыл свои ноги, то моментально исцеляются одержимые бесами, изгнать которых не могло искусство всех врачей. Вообще, определить пределы его сверхъестественных сил нет никакой возможности. И притом в нем нет ни малейшей гордости!“ Такая молва, передаваясь из уст в уста многими людьми, обратила, наконец, на себя внимание царя, который страшно хотел изгнать того беса, которым была одержима царица Канакалека. Он стал ежедневно посещать отшельника-мудреца, относился к нему с величайшим благоговением и, стараясь привлечь на свою сторону учеников его, раздавал им подарки. Улучив удобный момент, он потихоньку стал просить об исполнении своего заветного желания. Я крепко задумался и (затем) своим тоном дал ему понять, что мне явилось прозрение того, (как ему помочь). Бросив на него испытующий взгляд, я сказал: „Друг мой, ты совершенно прав, прилагая к этому делу такое старание. Эта царица — настоящая жемчужина, на ее теле собрались вместе все счастливые предзнаменования. Получить ее в жены — это лучшее средство добиться владычества надо всей землей. Как земля ограничена поясом молочного океана, так и она украшена пышными ляшками и молочными грудями. Как на земле блещут Ганг и тысячи других рек, так и тело ее увешано нитями жемчуга. Но бес, во власти которого она находится, не допускает того, чтобы какой-либо врач освидетельствовал

эту красавицу, глаза которой красивы, как грациозный цветок голубого лотоса. Поэтому подожди тут три дня. За это время я постараюсь исполнить твое дело“. Царь обрадовался этим словам и ушел домой. Я же каждую ночь, в то время когда скрывалась луна, когда все десять стран горизонта как бы пропадали в сплошной массе темной пыли и взоры всех людей были скованы сном, выходил на берег озера вблизи места священных омовений и с большим трудом копал там в сплошной береговой полосе яму, спрятавшись в которой можно было незаметно нырнуть из нее в воду. (Оканчивая к утру работу), я плотно обкладывал отверстие ямы камнем и кирпичом, чтобы не обратить внимание людей на эту часть берега, и когда считал, что это достигнуто, умывал свое тело, купаясь поутру в озере. Затем я молился тысячесветному солнцу, тому солнцу, которое превращалось как бы в большой кулон посреди жемчужной нити, состоявшей из вереницы ночных планет, — которое было единственным тигром, способным уничтожить свирепого слона ночной темноты, — которое было единственным танцовщиком, способным красиво танцевать, как на сцене, на высочайшей вершине горы Сумеру, — которое было единственным морским животным, способным плыть по сильным волнам океана небес, — солнце, лучи которого были в это время красноваты, потому что через них просвечивала красноватая благовонная мазь, которая покрывала тело Восточной Стороны, этой супруги тысячеглазого бога Индры (живущего на востоке). Я собирал горсточку цветов красного лотоса и бросал их, как дар этому солнцу, затем возвращался в свое жилище и засыпал.

Прошло три дня. (К вечеру) явился ко мне царь. Вечернее солнце горело таким же красным светом, как красный песок, из которого состоит поверхность вершины Горы Заката. Казалось, в образе женщины предстала вечерняя заря и выставила напоказ одну из круглых грудей своих, выкрашенную красной сандаловой мазью. Казалось вместе с тем, что она — эта женщина — желая хорошенько помучить ревностью дочь Гималаю, супругу Шивы, слилась с воздушным пространством, которое ведь составляет одно из тел бога Шивы.

Царь поклонился мне в ноги, и лучи, исходившие из ногтей на моих стоявших на земле ногах, покрыли его диадему. Затем он встал и просительным сложил ладони рук своих. Я же стал его поучать: „К счастью, — сказал я, — я нашел способ достичь желанной цели! На этом свете, однако, успех не венчает усилий того, кто не обладает энергией. Но если люди не беспечны, они всегда держат в своих руках собственное счастье. Действительно, твое необыкновенно благочестивое, ничем не запятнанное поведение,

твое благоговение ко мне и почет, который ты мне оказываешь — все это привлекло к тебе мое сердце. Ради тебя я сообщил этому озеру такие силы (и такое устройство), что сегодня же здесь исполнится желание твое. Сегодня же ночью, как только исполнится полночь, тебе надлежит погрузиться в его воды и затем, нырнув, удерживаться под водой так долго, насколько у тебя хватит сил удержать дыхание внутри. Когда ты прыгнешь в воду, то группы лотосов погрузятся в воду и, придя в движение, кончиками своих крепких стеблей обеспокоят спящих гусей. Те, испугавшись, подымут беспорядочный крик. Люди на берегу станут прислушиваться. Но тотчас же они убедятся, что могли слышать только плеск воды. Когда же он утихнет, ты вынырнешь, мокрый, с покрасневшими глазами (и настолько изменив, благодаря силам, мною озеру сообщенным), свой внешний вид, что весь народ не нарядуется смотря на тебя, и бес (засевший в молодой царевне) не будет в состоянии выдержать твоего присутствия. Сердце же царевны моментально окажется связанным крепчайшими цепями любви и не будет в состоянии переносить твоего отсутствия. Вместе с такой женой перейдет в твои руки господство надо всей землей, враги твои будут сметены, и на них не нужно будет обращать большого внимания. Подумай! Дело это верное, опасного ничего нет. Если хочешь, обсуди это вместе с министрами, ум которых закален знанием многих наук, а также со всеми теми, кто желает тебе добра. Вели прислать сотню людей с сетями, столько же преданных тебе надежных людей, и пусть они исследуют озеро под водою. В тридцати саженьях от берега нужно внимательно расставить военный караул. Ведь—кто знает?—враги твои могут пожелать воспользоваться удобным случаем и что-нибудь предпринять!“ Этот план пришелся царю весьма по вкусу. И министры не могли усмотреть в нем ничего опасного. Решив, с другой стороны, что намерение царя, возбужденное его сильной страстью к царевне, остается совершенно непоколебимым, они не возражали. Увидев, в каком положении дело, и зная, что царь весьма твердо решил осуществить все это, я ему сказал: „О царь! Я прожил тут, в твоём народе, довольно долго. Долгое пребывание на одном месте, однако не одобряется в нашей среде. Поэтому, когда я исполню то дело, ты меня более не увидишь. Я не мог уйти, не сделав чего-либо для тебя за гостеприимство, которым я пользовался в твоём царстве. Это не было бы прилично арийцу, человеку благородного происхождения. Вот причина, почему я так долго прожил в этой стране. Теперь это сделано. Поэтому ступай домой, выкупайся в подходящей, приятно-надушенной воде, надень венок из белых цветов, умасти свое тело, раздай браминам подарки сообразно твоему

состоянию, и приходи сюда. Пусть путь твой освещают тысячи насыщенных растительным маслом факелов, пылая, уничтожат густую ночную тьму. Здесь ты приложи старание к достижению твоей цели“. Царь, выражая свою признательность, сказал: „Достижение это не будет достижением, если оно будет сопряжено с твоим отсутствием. Мне тяжело твое равнодушие! За что ты меня покидаешь, когда я ничего дурного тебе не сделал? Возражать, однако, против слов таких высочайших авторитетов, как ты, я не могу!“ Сказав это, он пошел домой, чтобы сначала взять ванну. Пошел также и я и, среди ночного безлюдья, спрятался в яме на берегу озера. Когда исполнилась полночь, царь поступил так, как ему было указано. Расставил в разных местах стражу, а приведенным людям велел сетями выловить из озера все, обо что он мог оцарапаться. Тогда, не имея никаких опасений, он легко и свободно нырнул в воду. Пока он, с распущенными волосами, зажав отверстия носа и ушей, держался на дне озера, на глубине нескольких аршин, я с ловкостью дельфина весьма плавно подплыл к нему, охватил его горло мочалкой и стал безжалостно наносить ему удары руками и ногами, как будто самая свирепая смерть колотила его с величайшим ожесточением. В один момент он стал недвижим. Тогда я притащил тело его к моей яме и спрятал его там, а затем вышел из воды.

Собравшаяся вокруг меня военная охрана не могла прийти в себя от удивления по поводу перемены, происшедшей во внешности своего царя. Я воссел на слона и в сопровождении блестящей свиты, белого зонта и всех прочих знаков царского достоинства поехал (во дворец) по главной улице, при чем дорогу мне уступал испуганный народ, разгонявшийся полицейскими посредством весьма свирепых палочных ударов. Всю ночь (я не сомкнул глаз), сладость любви отгоняла от глаз моих сладость сна. Когда же утром показалось солнце, и взоры всех людей обратились к нему, — солнце, напоминавшее голову слона, хранителя восточной стороны горизонта, намазанную красным лаком, — солнце, похожее на драгоценное зеркало для небесных жен бога Индры, — тогда я встал, совершил все утренние обряды (и созвал совет министров). Восседая на царском троне, украшенном рядом драгоценных камней, испускавших массу лучей, я обратился к сидевшим вблизи сотрудникам, которые оказывали мне все должные знаки почтения, но сидели, как бы скованные ожиданием чего-то неизвестного, — со следующими словами: „Смотрите, какими силами обладают святые! Этот аскет сверхъестественною силою своею сообщил озеру, на котором до сих пор лишь цвели лотосы и радостно жужжали пчелы, такое сверхъестественное свойство, что оно создает новое тело, гораздо более красивое, чем прежнее,

столб же прелестное, как лист лотоса (на водной поверхности). Пусть отныне все атеисты поникнут от стыда головою! Пусть будут сегодня устроены в разных местах города народные увеселения с пением и танцами в честь истинных богов, в честь Шивы, несущего луну на своей голове, в честь Ямы, владыки подземного царства, в честь Вишну, восседающего на лотосе, и в честь других богов. Пусть все нуждающиеся подойдут к этому дворцу нашему и получают тут же богатства, которые будут в состоянии избавить их от нужды!“ Вне себя от восторга, те несколько раз прокричали: „Слава тебе, владыка мира! Пусть слава твоя распространится по всем десяти странам горизонта и затмит славу первородного царя людей!“ Затем они исполнили то, что им было приказано.

После того однажды ко мне зашла по какому-то делу молоденькая Шашанка сена, подруга моей возлюбленной, которая заменяла ей сестру. Оставшись с ней наедине, я спросил ее, не видала ли она меня когда-нибудь ранее? Она взглянула на меня, (сразу узнала), и сердце ее исполнилось величайшей радости. Она улыбнулась, и на ее белых зубах стали как бы грациозно играть лучи света; красиво согнутой рукой она прикрыла губы. Слезы радости потекли из ее глаз и испортили их, размазав мазь, (которую они были подведены). Сложив ладони, она сказала: „Прекрасно узнаю тебя, если только это не волшебное видение, вызванное каким-нибудь кудесником! Как это случилось, расскажи!“ Она произнесла эти слова шопотом, не будучи в состоянии совладать с нахлынувшим на нее чувством. Я рассказал ей все целиком и через ее посредство доставил величайшую радость ее подруге. После этого я освободил из заключения царя Калининского, восстановив его в царском достоинстве. С его согласия я сочетался законным браком с его дочерью и сделался правителем соединенных царств Андрского и Калининского. Когда же царь Бенгалский подвергся нападению своего врага, я с большим войском поспешил ему на помощь. А когда случилось то, что я увидел здесь тебя, соединившегося уже с другими товарищами нашими, мое сердце исполнилось высокой радости от такого счастья.

(Когда Мантрагупт окончил), свет улыбки озарил губы царя Раджавахана, и вместе с другими друзьями они стали восхвалять его необыкновенную ловкость. „Удивительно это твое превращение в великого мудреца. В этом случае действительно оказалось, что труднейшие посты и молитвы как будто дали результат! Но бро-

сим шутки! Мы тут видим настоящую находчивость и настоящую смелость, которые приводят к наивысшему удовлетворению. Теперь тебе начинать“, — сказал царь и бросил взор своих глаз, похожих на распутившийся лотос, на многоумного и ученого Вишрута.

(Окончание следует)

Перевел с санскритского
Ф. Щербатской
